

Лен Гроссман

БЕДНЫЙ ЙОРИК

Трустная фантастика

18+

Лен Гроссман
Бедный Йорик

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гроссман Л.

Бедный Йорик / Л. Гроссман — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сегодня это - фантастика. Завтра - лишённые романтики будни. И мномесячные межзвездные странствия с хотя и прикладными заданиями, последствия которых, тем не менее, трудно предсказать заранее. И навеянные скукой одного и того же меню, попытки раскрыть рецепт чая с волшебными свойствами. И парадоксы космоса, который, в отличие от людей, считает по отдельности гениев и простаков, хотя те и другие с трудом умещаются за одним и тем же кухонным столом. Кому же удастся уцелеть, а кому лечь костью в безразличном к эмоциям, но вовсе не бессмысленном вакууме вечного холода? Вы узнаете об этом, оформив покупку в сервисе электронных книг ЛитРес.

Содержание

Пришельцы с планеты Земля	6
Три туза в прикупе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

WARNING: Adult content.

ВНИМАНИЕ: некоторые сцены написаны исключительно для взрослых.

Cover art by Len Grossman

Оформление обложки: Лен Гроссман

В оформлении обложки использованы фото с <https://stock.adobe.com> по Стандартной лицензии, а также <http://stocksnap.com> и <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Пришельцы с планеты Земля (Вместо предисловия)

Мой бедный Йорик, балагур известный!
Где твои шутки, от которых
Застолье хохотом взрывалось?
Не то теперь. Истлев, твоя улыбка,
Развлечь не сможет больше никого.
Уильям Шекспир, «Гамлет» (перевод автора)

Эта сцена в трагедии самая смешная. Ее нельзя ни забыть, ни спутать ни с какой другой. Принц пытается понять, был ли он счастлив. Ему хочется думать, что он знал лучшие времена. Ведь было же у него детство, в конце-то концов! И у детства был символ – лицо веселого простака под колпаком с бубенцами. Дурацкое лицо Йорика.

И это все, что осталось от детства.

Потому что было лицо, а стало... то, что стало. Ослабившийся в ухмылке череп на ладони у принца.

Все, что осталось, занимает не так уж много места. Совсем немного. Еще и по этой причине Гамлет не уверен, что именно баюкает он на своей руке.

Всего лишь череп?

Свое детство?

Даже принцу крови, способному видеть то, что не дано больше никому, трудно распознать в сращении охристой желтизны костей знакомое лицо. Единственное лицо на фоне безликой дворцовой челяди.

Не маску.

Не личину.

Лицо.

Такое вдохновенное, что ему больше пристало слово «лик».

Лик шута.

Йорик – так звали заводилу вечного праздника. Бесконечность имеет реальный смысл в одном только детстве, верно? В точном соответствии со своей профессией, Йорик был остро-словом, неутомимым фантазером и записным шутником.

Уголок неухоженного погоста, открытого всем ветрам. Он за пределами круга жизни, очерченного городской стеной. Приходить сюда небезопасно. Даже для наследника престола, которому можно все. Вернее, почти все.

Принц смотрит в пустые глазницы прошлого. Только здесь и сейчас Гамлет понимает, что детство вычеркнуто из жизни, будто его и не было.

Но оно ведь было!

Или принцу так только кажется под гипнозом пустых глазниц шута?

Не боясь испачкаться, Гамлет оглаживает ладонью шершавую округлость темени. Под ним покоится траурная пустота – все, что осталось от прошлого.

Все, что осталось от Йорика.

Бедный Йорик!..

По черепу в разные стороны разбегаются трещинки. Гамлет касается неровного их рисунка и баюкает на ладони...

Нет, не череп.

Воспоминания.

Прошлое, которого коснулась увиденная Гамлетом тень. Она одна осталась у принца от счастья, которого не было никогда.

Отчего всем так памятна эта сцена? Не оттого ли, что, поднабравшись жизненного опыта, рано или поздно мы прозреваем? То, что раньше было важным, получает наконец свое подлинную размерность в самом низу списка вещей, без которых, как это еще вчера казалось, никак нельзя. Шкала ценностей переворачивается с ног на голову, и только тогда все становится на свои места. Мудрые, мы наконец получаем доступ к сокрытому до тех пор источнику правды и лжи.

Начиная отсюда, можно уже не бояться опоздать и делать все с мудрой размеренностью отшельника: жить не спеша и пить не спеша. Столько, сколько нужно.

С этого момента мы принимаемся охотно отыскивать скрытые изъяны в так называемых подарках судьбы и очевидные преимущества в изменах наших ближних. Мы поневоле нарабатываем здоровый скепсис и не ждем от жизни уже ничего такого, что заставило бы нас хоть на одно мгновение завидовать самим себе.

Довольно скоро по той же причине изо всех видов юмора мы больше всего начинаем ценить смешное не самого светлого свойства. Нас больше привлекает теперь прямая его противоположность – от серебристо-серой самоиронии до беспробудно черного сарказма. Да и как может быть иначе, если мы понимаем, наконец, с искренней отрешенностью: нетленное утеряно навсегда.

Дальше все зависит от калибра души.

Мудрые с улыбкой добавляют про себя: и слава Богу!..

Остальные поступают веселее.

Они плачут.

Но в каждом из нас рано или поздно то, что казалось неизбывным – земное, – растворяется, отступает, и пустоту, что раньше казалась святостью, заполняет его противоположность, со знаком минуса перед ним. И нет ничего более честного и кривого, чем этот минус, нарочитый, как скабрезная улыбка шута под срезом черепной коробки.

Знаменитая фраза «бедный Йорик» собственно к Йорику не имеет никакого отношения. Полуистлевшие останки если в чем и нуждаются, то разве что в покое, не в утешении. Действительно бедный в этой сцене, невзирая на состояние его финансов, принц крови. Он бедный уже потому, что понимает: наследное право владения не только другими, но и собой, ничего не значит.

В мире земных реалий незачем быть королем.

Смысла нет.

Потому что даже если числишься под первым номером, готовиться к измене нужно как можно раньше. Лучше всего – начиная с рождения, с самого первого своего дня на Земле.

И иначе не будет.

Никогда.

По этой причине все, что Гамлету остается, – это не спешить в короли. Более того, принц старается оградить себя от неустанной опасности. Он делает все возможное для того, чтобы беда обошла его стороной. За шанс разминуться с короной он готов уплатить любую цену, отдав врагам даже жизнь. И не только чужую, но и свою.

Принц в самом деле умнее всех в этой трагедии. И вот почему. Он открыл для себя истину, важнее которой нет на свете: королем никогда не станет тот, кто... не хочет быть королем.

А Гамлет этого не хочет. Уже не хочет. У него нет желания вписать в историю датского королевства еще одну точно такую же историю – ту, что уже имела место в прошлом.

Историю о победе низости.

И нищете любви.

Ту историю, что уже случилась.

С отцом.

Скучные дворцовые будни. Этикет, менюэт, букет. Цветы робко выглядывают из вазы, задвинутой в угол дворцовой залы. Букет, разумеется, сухой. Как и менюэт, исполняемый в строгом соответствии с этикетом.

И ни с того ни с сего – будто взрыв петарды на фоне стынущих похорон. И вот уже в радужном облаке конфетти тает памятная деталь – плывущий по воздуху силуэт.

Профиль отца.

Предвестие крови.

Обещание трагедии.

Той самой трагедии, которая – принц еще мал, несмышлен, и ему хочется в это верить – обойдет его стороной.

Семя сомнений еще не выбросило в небо трепетное пламя ростка, но грядущее уже вспарывает острыми углами бледность кожицы на зернышке судьбы.

Разрыв.

Рана.

Смерть.

Судьба мудра. Она дарит Гамлету шанс забыться на время. Ровно настолько, сколько длится детство. И вот уже на сером фоне дворцовой жизни – фоне окаянном и обреченном – царствует беззаботность праздника, нескончаемая феерия игры. Ее оттенки далеки от изящества, это всего лишь буйство грубой фантазии и скабрёзного веселья. Что поделать – у каждого времени свое чувство юмора!

Больше всего ребенку нужна беззаботность. Та, которую излучает шут. В ней принц находит замену тому, в чем нуждается больше всего, – в безопасности. Только по этой причине презренный шут становится властителем детской вселенной, символом лучшего из того, что было.

Одному из всей челяди, шуту дозволено держать кроху-принца на руках. В свою очередь, только Гамлету, одной-единственной на весь дворец душе, дозволяется играть талисманом, что хранит праздник, – бубенцом на шутовском колпаке. Малыш смеется и вызволяет заключенное в нем звонкое баловство.

Едва приметив озорной огонек в глазах мальчика, шут берет малыша на руки и позволяет ему коснуться символа шутовского своего величия. Самого шумного из всех атрибутов королевской власти.

Принц поддевает пальцем свою усладу – символ до смешного глупого королевства. Он уже знает, что прикасаться к символу небезопасно.

Последствия могут быть разные.

Непредсказуемые.

Небезопасные.

Принцу кажется, он к ним готов. По этой причине он не слишком удивлен тому, что прикосновение к дурацкому бубенцу дарит ему прозрение.

Постижение.

Проницательность.

В полутьме дворцового перехода принцу видятся разрытая могила в уголке нищего кладбища, и череп на ее краю. Малыш догадывается, чей череп – последнюю из своих игрушек – он будет баюкать на ладони, прежде чем расстанется с мечтой о счастье. Теперь уже навсегда.

Шут наблюдателен и не глуп. Он замечает, что с мальчиком творится что-то неладное. Он встряхивает нечесаной головой – и мальчик вновь заходится в смехе от половодья звона.

Смех – подтверждение.

Смех – доказательство.

Слава те Господи, принц вернулся к реальности!

К дурацкой реальности. В ней королями служат шуты.

Незамысловатый звон взрывает похоронную тишь дворцовых покоев. Маленький принц хохочет от всей души. Он хочет уверить всех, будто у него все в порядке. Он старательно делает вид, что еще ни о чем не догадывается. И не знает о том, что уготовано для него судьбой.

Наверное, самое трогательное в детстве, самое притягательное в нем – обещание успеха. Лишь в этом возрасте мы не требуем гарантий на будущее. Мы знаем: все сбудется в точном соответствии с мечтой.

Но не всем наследникам престолов суждено стать королями. И не каждому принцу дано услышать фразу, с которой начинается взрослая жизнь: как будет угодно Вашему Величеству!

Для Гамлета сцена на кладбищенском пяточке – прощание с обещанием, проводы мечты. Только здесь он понимает, что от прошлого ему достался один только прах, и поправить уже ничего нельзя.

«Бедный Йорик!..» В этой фразе звучит немереная тоска. Это печаль по невозможности снова распахнуть дверь в детство. Лучше и не пытаться вспомнить код, что открывает все двери.

Кроме этой.

К этой двери нет кода.

К ней нельзя подобрать отмычку, а ключ утерян давно и навсегда. Взломать ее не по зубам никому. Даже тем, кому кажется, будто им все по плечу, – инопланетянам земного происхождения.

У героев серии фантастических историй под названием «Бедный Йорик» от детства осталось не так уж много. Поначалу кажется, что их это ничуть не смущает. Тем более что всегда не так уж трудно укрыться от правды за бравадой. Все равно за какой. Возможностей для этого хоть отбавляй. Можно, например, спрятаться за не такой уж прочной броней космического корабля. Или нацепить на себя самый нелепый изо всех маскарадных костюмов – скафандр для выхода в открытый космос.

Но любая попытка вернуться в то, что утрачено, обречена на провал. Пройдет не так уж много времени – и герои серии поймут несостоятельность затеянной ими игры, безуспешность подмены, гибельную суть лжи во спасение. И лишь воспоминание о счастье, магическое заклятье «Бедный Йорик!» будет по-прежнему звучать в их ушах.

Эхо символа.

Отклик проклятья.

Тающий знак беды.

Три туза в прикупе (грустная фантастика)

– Так вот где прячутся боги Олимпа! У жертвенника, объятого пламенем!..

Четверо астронавтов, которые неторопливо завтракали вокруг пластикового стола, приветливо помахали опоздавшему коллеге. На краю стола стоял сэндвич-тостер. В эту минуту примитивное устройство изо всех сил тужилось, пытаясь превратить в бутерброд набор из двух хлебцев с ломтиками копченого мяса и сыра. Из прорези между двумя половинками электрического устройства то и дело вырывались струйки дымка и крохотные искорки. Это хлебные крошки сгорали на раскаленной спирали дотла, распространяя манящий запах поджаренной корочки.

– О, муза муз! – трагическим тоном с подвыванием продолжал вошедший. – Нет зрелища смешней, чем завтрак сытых с вечера людей! Прямо на наших глазах они пожирают размороженные витамины и – что там еще в нашем меню? – ну, конечно же, консервированные белки! Утро нового дня, а в космосе ничего не изменилось: все та же кухня, все тот же завтрак, все то же надоевшее меню! Одно и то же! Навсегда!.. Вы только вдумайтесь в злоецый смысл этого слова: навсегда!

Астронавт не столько говорил, сколько пел, старательно пародируя речитатив героя-любownika классического театра. При этом правую руку он задрал как можно выше, старательно пародируя представление трагедии на сцене театра восемнадцатого века. Почему-то в те времена считалось, что герой-любownik может появляться на сцене только так – с задранной в небо рукой. Объяснялось это, скорее всего, тем, что в противном случае публике он показался бы слишком мелким в сравнении с масштабом готовых вот-вот обрушиться на его голову несчастий.

– А самое смешное заключается в том, что все то же меню остается неизменным на нашем столе не только по будням, но и...

Голос говорившего снизился до шепота:

– ...по праздникам!

– Бен Моллиган! – представил только что появившегося астронавта командир корабля, – полиглот, дипломат, психолог. По совместительству – восходящая звезда наших кухонных посиделок! Мастер оригинального жанра!..

Он отставил чашку с кофе и принялся аплодировать. Жесты были подчеркнuto выразительными, скорее даже преувеличенными, но звуков овации никто не слышал. Разыгранный восторг оказался всего лишь крохотной пантомимой.

Сидящие за столом переглянулись и обменялись понимающими улыбками. Им не нужно было объяснять, что они вот-вот станут жертвами очередного розыгрыша и в очередной раз позволят себя надуть. Самое удивительное при этом заключалось в том, что на Бена никто никогда не сердился. От расплаты за розыгрыши его неизменно спасала подчеркнутая безобидность придуманных им кухонных мистификаций. Впрочем, никто не обижался на Бена еще и потому, что этот астронавт был чем-то вроде талисмана на корабле. Одно его присутствие разрешало едва ли не любые конфликты. В экспедициях, которые длились более полугода, это качество было на вес золота.

Скучная до тех пор утренняя беседа за столом оживилась. Все пытались угадать, кто же из них на этот раз станет жертвой очередного подвоха. Чаще всего определить это заранее было невозможно. Никто не смог бы прочесть в глазах Бена ничего, кроме правдоподобной невинности и подкупающей искренности. Взгляд его, как всегда, оставался серьезным.

– Вы притворяетесь или в самом деле не понимаете, о чем идет речь? – не унимался Бен. – О, муза муз, пошли богам немного ясности и просветленья!.. Нет уж, вы себе как хотите, но я не позволю никому испортить наш с вами праздник! Так дело не пойдет! Попрошу всех наполнить свои бокалы и поднять тост за юбилей!

– Какой юбилей? Обожаю любые юбилеи, кроме своих собственных! – Лицо навигатора Карли Мейси оживилось и потеплело.

– Хотелось бы верить, что хотя бы на этот раз он не шутит! – командир с готовностью улыбался, но по его лицу было видно, что он разрывается между желанием поверить Бену и голосом разума, призывающим не поддаваться на очередной розыгрыш. В конце концов, день еще только начался, и Стивену Андрузу не хотелось рисковать графиком полета по непрости-тельно шуточному поводу.

– Хотите – верьте, хотите – нет, – продолжал Моллиган, – но нам с вами улыбну-лись небеса! Поздравляю всех с круглой датой: прошло ровно двести пятьдесят суток с того момента, как мы покинули Землю!.. Двести пятьдесят! Это, знаете ли, не шутка!.. С юбилеем, друзья мои!..

Самый молодой член экипажа – Эбби Куинси – радостно захлопала в ладоши:

– Как здорово!..

Достаточно было посмотреть на засветившиеся глаза юной женщины, чтобы понять: в ее возрасте причина праздника не имеет значения. Он просто нужен, и желательно как можно чаще! В ее восприятии реальности не было ничего предосудительного, тем более что по будням Куинси привычно вписывалась в свои довольно жесткие, профессиональные рамки.

Так уж вышло, что Эбби освоила две первые свои специальности – биологию и минера-логию – прежде, чем поняла, что обе эти науки имеют самое непосредственное отношение к поиску природных ископаемых. С тех пор при заполнении анкет она перестала испытывать неловкость всякий раз, когда ей нужно было ответить на вопрос о профессии. Более чем моло-дая женщина с полным на то правом стала для краткости называть себя одним словом, не вызывающим ни у кого вопросов, – геологом. Это было тем более разумно, что геологи во все времена были в цене.

А вот третья из ее специальностей сделала вчерашнюю выпускницу астрошколы незаме-нимой для любого экспедиционного экипажа. Благодаря ей топограф Куинси составляла объ-емные карты маршрутов экспедиции. Без них экипажу лучше было бы и не возвращаться на Землю. Дело в том, что по стопам первопроходцев должны были отправиться астронавты – представители других профессий, с другими целями, другой техникой, с другими поводами для розыгрышей и с другими шутками. Без объемных карт, составленных Эбби, их работа была бы неосуществима.

– Гуляем, гуляем! Три дня подряд! – Эбби хлопала в ладоши, и глаза ее светились от предчувствия хоть какого-нибудь разнообразия в рамках рутины полетного графика.

Даже Майк Хауард, обычно неизменно бесстрастный, оживился.

– Вы как хотите, – мечтательно воскликнул он, – а я себе загул устрою! Заткну уши пробками и не встану со своего рабочего кресла, пока не решу от начала до конца кроссворд пятой степени сложности!

Сказал и замурлыкал себе под нос какую-то бравурную мелодию, скорее всего, застряв-шую в его памяти с тех времен, когда маленький Майк лихо управлялся с огромной тубой в составе школьного духового оркестра.

Один только командир астробота не проронил ни звука. Вместо этого он с головой ушел в расчеты. В помощники себе он взял программное приложение в виде калькулятора на своих часах.

– Хочется верить, что капитан не останется в стороне от общего праздника? – стараясь быть услышанной, лукаво спросила помощник командира Карли. Спросила и заговорщицки подмигнула своей подружке Эбби.

Рассеять свои сомнения она не успела, потому что в следующее мгновение произошло нечто неожиданное. До тех пор погруженный в себя командир вдруг оторвался от калькулятора и ни с того ни с сего громко захохотал.

Его смех был таким заразительным, что не ответить на него хотя бы улыбкой было нельзя, тем более что никто из членов экипажа не имел ничего против праздника. К тому же реакция командира, как всем показалось поначалу, довольно точно отвечала общему настроению. Но очень скоро все убедились в том, что неверно поняли свое начальство.

– Ай да пройдоха! Ай да шутник! – радостно восклицал капитан. – И я хорош, нечего сказать!.. Это просто невероятно, но ведь я ему поверил!.. Нет, все-таки, что значит сценический дар, а? Я ведь в самом деле ему поверил!..

С этими словами он постучал указательным пальцем по экрану своих часов. На них все еще светились кнопки приложения для выполнения подсчетов. Все посмотрели на полупрозрачный пластик. На экране отчетливо светилась трехзначная цифра, составленная из жидких кристаллов.

– Двести тридцать восемь! – воскликнула Карли и, не удержавшись, тоже захохотала.

Ее примеру последовали остальные члены экипажа. Только теперь смысл нехитрого розыгрыша стал для всех очевиден.

– Я вам этого ни за что не прощу! – сквозь смех прокричала Эбби.

Одна лишь рассудительная Карли, которой показалось, что дело принимает нежелательный для шутника оборот, попыталась всех вразумить.

– Он ведь хотел, как лучше! – сказала она. – Хотя бы изредка нам нужен праздник. Верно, командир?

Стивен Андруз не ответил. Он в очередной раз с головой ушел в изучение некоего списка на экране своего монитора. Карли достаточно было одного взгляда, чтобы понять: на этот раз командир изучает перечень того, что, в соответствии с предполетным планом, должно быть выполнено экипажем сегодня. Для капитана очередной розыгрыш Бена стал уже частью прошлого.

Похоже, один только Бен все еще не мог успокоиться. Ему хотелось выжать из не слишком остроумной затеи максимум занимательности. В соответствии с одной из своих профессий, он был психологом межличностных отношений. Еще и по этой причине ему не нужно было объяснять, чего больше всего не хватает людям, которые столько месяцев подряд лишены маленьких радостей земной жизни.

– Произошла ошибка! Нелепая ошибка в расчетах! – с самым искренним видом каялся он. – Я ведь лирик по профессии. Мне разрешено ошибаться!.. У меня, между прочим, с арифметикой всегда были проблемы!..

– Ладно бы только с арифметикой! – беззлобно прошептала Карли. Похоже, у нее были причины вымещать свои проблемы на Моллигане.

– А я уж совсем было собрался поблагодарить вас за выходной в моем рабочем расписании! – сказал Майк Хауард, и в его голосе послышалась нотка разочарования.

Впрочем, грустил Майк недолго. В отсутствие каких бы то ни было помех он довольно скоро погрузился в состояние, которое лучше всего можно описать словом «полусон». Из одного только уважения к себе Майк называл это состояние совсем по-другому, «на взводе», хотя это было не более чем самообманом. Эбби часто шептала на ухо Карли, что больше всего на свете Майк опасается постареть раньше времени и потому выкраивает время для сна так часто, как только ему это удастся.

– Судя по увлеченности, с которой он засыпает, – говорила Эбби, – Майк собирается жить вечно.

Что же касается Бенджамина Моллигана, то, в отличие от Майка, вечность его, судя по всему, интересовала гораздо меньше. Куда как больше ему хотелось постичь прихотливые законы мирного сосуществования членов экипажа в более чем ограниченных пределах астробота.

Причин для возникновения проблемных ситуаций внутри небольшой по количеству людской общности всегда хватает. Отсутствие ярких событий при одном и том же составе экипажа – испытание не из легких. Командир астробота Стивен Андруз знал об этом не понаслышке. Еще и по этой причине, не говоря уже о личной симпатии, испытываемой к Моллигану, он искренне ценил присутствие на космическом корабле Бедного Йорика – так за глаза привычно называли Бена. При этом никто почему-то не задавался вопросом о том, откуда взялось это прозвище.

Но сглаживание трений, неизбежно возникавших в изоляции от земных декораций, было лишь одной из профессий этого выдавшего вида астронавта. Разносторонняя одаренность позволила Бену добавить к диплому психолога межличностных взаимоотношений еще один диплом – переводчика. И в новой профессии он стал специалистом не из последних. В дополнение к нео-линго – самому распространенному из языков межгалактического общения – Бедный Йорик овладел несметным количеством других языков, которыми пользовались разнородные племена, населявшие ближнюю к Земле часть Вселенной.

Но даже получив вторую профессию, Моллиган не успокоился на достигнутом.

– Ты что, решил собирать коллекцию из собственных дипломов? – спросила у него жена, когда он, вернувшись после сдачи последнего по счету экзамена в школе при Центре управления полетами, положил перед ней на стол еще один свой диплом. Это был редкий день для четы Моллиган, когда случайность в виде совпадения дат вылета позволяла обоим астронавтам провести вместе несколько дней подряд. Такое случалось не так уж часто.

– Коллекцию? – переспросил Бен. – Нет, конечно. Памятуя о прежних своих профессиях, было просто неразумно отказываться от того, что само плывет в руки. Новый диплом дает мне право заниматься делом, которое в равной степени включает в себя владение обоими моими ремеслами. Так как, на твой взгляд, я буду смотреться в роли специалиста по международным отношениям?

Бетти взяла в руки диплом, раскрыла его и устремила на мужа удивленный взгляд.

– Так ты теперь будешь получать деньги за то, что не будешь говорить правду?

– Ты только что ошастливила мир новой трактовкой понятия «дипломатия», – в том же ироничном ключе отозвался Бен.

Бетти отложила диплом в сторону, подошла к мужу и легко коснулась губами заросшего подбородка. Бен старательно брился дважды в день, утром и вечером, но щетина на его лице в промежутках между сеансами бритья успевала отрасти вновь быстрее, чем ему хотелось. Бетти даже шутила по этому поводу, утверждая, что целовать мужа она может только в ванной, сразу по окончании бритья. Стоит ему выйти из ванной – и об этом лучше и не мечтать: слишком поздно!

Овладение новой профессией не раз выручало Бена и его коллег в непростых ситуациях, в которые они то и дело попадали сразу после посадки на очередную обитаемую планету. Общение с представителями аборигенов было неизбежным и далеко не всегда напрасно потерянным временем, хотя и такое бывало.

Обычно никто заранее даже предположить не мог, как далеко зайдут проблемы в общении с аборигенами из других миров. Разумеется, земляне как могли пытались избежать неприятных последствий в ходе такого общения. Увы, одного лишь благого желания, как случилось иной раз, было мало. Вот тогда на помощь экипажу приходил Бен со своей неизменной добро-

желательностью и готовностью исправить все, что пошло кривь и вкось в результате общения коллег-непрофессионалов с чужеземцами.

– Как бы то ни было, – подвел итог под своим очередным розыгрышем Бедный Йорик, – я честно пытался заслужить свой завтрак! Я просто упустил из вида тот факт, что у каждого из вас, включая капитана, есть часы с калькулятором! Как бы то ни было, не покупайте на то, что никому из вас все равно не нужно! Я имею в виду, на пакетик чая с запахом, от которого голова идет кругом так, что мне начинает казаться, будто я провел весь вчерашний вечер за стойкой бара, пропуская один стаканчик за другим! И пожалуйста, не забудьте добавить к пакетик чаю еще и полчашки ух какого забористого кипятка!..

– А ваш любимый шоколадный батончик? Вы о нем забыли?

Одарив опоздавшего к завтраку астронавта лучезарной улыбкой, штурман-навигатор, а по совместительству еще и врач Карли Мейси протянула ему конфету.

Все знали, что Карли любит сладости не меньше, чем Бен, и тем не менее все старательно делали вид, что не догадываются, по какой причине Карли всегда брала из автомата по продаже чего угодно на один шоколадный батончик больше, чем ей было нужно. Это оказывалось кстати, когда вечно рассеянный Бен, приготовив напиток для себя, надолго застывал в углу кухни, с мучительной миной на лице пытаясь вспомнить, что именно он в очередной раз забыл.

– Ах, Карли, – вздохнул Бен, принимая сладость с благодарностью. – Стоит вас увидеть – и я теряю все разом: и речь, и разум, и даже свои привычки! Пожалуйста, не говорите никому о том, куда подевался второй из двух батончиков, которые вы взяли для себя, ладно? Что-что, но грабеж среди бела дня с отягчающими обстоятельствами мне точно не простят!

С этими словами он взял Карли за руку и осторожно коснулся губами ее ладони, в которой только что была зажата приготовленная для него конфета. Эта старомодная вежливость была предметом неустанной зависти подружки Карли – Эбби.

Что же касается Бена, то, чтобы не терять времени, он поспешил развернуть упаковку, в которую была завернута залитая шоколадом смесь молотых сухофруктов. На стигах бумажного золота играли разноцветные огоньки. Умевший ценить маленькие радости жизни Бен несколько мгновений наслаждался этим крохотным салютом, прежде чем отправить батончик в рот. Сразу после этого он направился к полке с чайными принадлежностями. Здесь он выбрал из простенькой вазочки пакетик брусничного чая и положил его на дно чашки. Следом за бумажным пакетиком туда же, на самое дно пластикового сосуда, отправился лесной орешек из вазочки, в которой хранилось все для чая. После этого Бен с благоговением, словно распорядитель чайной церемонии в императорском доме, залил содержимое чашки кипятком.

– Вкусно пахнет даже отсюда! – Самый молодой член экипажа Эбби Куинси потянула ноздрями воздух. – Вот есть же у некоторых коллег из нашей звездной команды маленькие секреты, вроде рецепта чая с волшебными свойствами, но они почему-то ни с кем не желают делиться своими тайнами!

Она снова втянула в себя воздух и с откровенным сожалением добавила, глядя на свою чашку:

– Ну очень вкусно! А как это, должно быть, полезно!..

– Освободите вашу чашку, и я с удовольствием поделюсь с вами моим волшебным напитком, – с улыбкой отозвался Бен. – Что же касается рецепта волшебства, то я, увы, не в силах его разглашать. Эта страшная тайна умрет вместе со мной!

Женщины рассмеялись. На то была причина. Сохранить в тайне секрет приготовления чая, творимого у всех на глазах, было, разумеется, невозможно, тем более что он состоял всего лишь из двух известных всему экипажу компонентов, не считая кипятка. Тем не менее сидящие за столом астронавты пытались уверить друг друга в том, что Бен, незаметно для всех, подбрасывает в чашку нечто такое, что и является главной и, разумеется, тщательно скрываемой частью рецепта. Попробовать и оценить вкусовые качества знаменитого чая успели все,

включая и капитана астробота. Он нравился всем. Еще и по этой причине о якобы засекреченном рецепте ходили слухи, а сам рецепт по-прежнему оставался так называемой тайной. Разумеется, на Земле на «волшебный» чай Бена никто из членов экипажа не обратил бы никакого внимания. Но в открытом космосе, в отсутствие каких бы то ни было развлечений взрослые всегда охотно придумывают доступные для них игры. И с не меньшим удовольствием в них играют.

– Мне просто времени жалко! – неожиданно для всех отозвался вдруг Майк Хауард. – Один вечер, посвященный экспериментам, – и можете не сомневаться: в результате у меня получился бы чай не хуже, чем у Бена!

Такого заявления от молчавшего обычно Майка никто не ожидал. Женщины переглянулись между собой и снова рассмеялись.

В обязанности Майка входила техническая поддержка полета. Как и подавляющее большинство представителей сильного пола, он по-настоящему оживал лишь тогда, когда нужно было проявить свои профессиональные качества. При этом Майк в самом деле всегда и неизменно выкладывался на все сто.

Отличие от остальных юношей, с трудом пытающихся найти свое призвание, Майку не пришлось долго ломать голову по этому поводу. Едва ли не единственным критерием в выборе профессии была слабая надежда на то, что и десять лет спустя выбранное занятие не будет вызывать у него смертельную скуку.

Майку, можно сказать, повезло. Самый важный в жизни каждого мужчины выбор сделала за него судьба. Мать Майка – Бонни Хауард – была известным специалистом в области техподдержки полетов. Ее авторитет еще более возрос после того, как она опубликовала книгу по оптимальному алгоритму поиска неисправностей на космическом корабле.

Но невзирая на славу, молодая женщина продолжала тратить едва ли не все свое свободное время на овладение всеми без исключения тайнами ремонта технических поломок. Сделать это легче всего было в многочисленных лабораториях астрошколы при Центре управления полетами, который для краткости именовался ЦУП.

Это было хорошо известно подругам Бонни Хауард. Потому никто не удивился, узнав, что даже такое событие, как рождение своего первенца, молодая женщина встретила в одной из лабораторий. Произвести Майка на свет ей удалось на удивление скоро и ладно. При этом обошлось даже без вызова мультикоптера скорой помощи. Профессионал во всем, она стала матерью без надрывного крика и запредельного волнения. Все прошло с той же легкостью, с которой Бонни устраняла очередную поломку в одном из устройств очередного астробота.

Электрику, который по чистой случайности ремонтировал один из агрегатов оборудования в той же лаборатории, пришлось потрудиться в ходе родов куда как больше. На его участь выпало самое трудное: помочь роженице избавиться от спецодежды. Справиться с проблемой ему удалось с помощью набора инструментов, вовсе для этого не предназначенных. Хотя и не сразу, в конце концов он все-таки смог разрезать едва поддающийся воздействию извне материал, из которого был скроен женский рабочий комбинезон. Если бы не помощь этого человека, которого Майк, к слову сказать, так никогда и не увидел, вероятность появления на свет очередного здорового специалиста по технической поддержке полетов была бы не столь высокой.

Самым подходящим местом для принятия родов оказался стол, за которым сидела Бонни. Чтобы облегчить состояние роженицы в отсутствие медсестер, электрик смог лишь раздвинуть лежавшие вповалку на столе микросхемы. Не прошло и нескольких минут – и непривычный к подобным шумовым эффектам воздух лаборатории вздрогнул от истошного детского крика.

Майк не делал тайны из своего прошлого, и по этой причине все члены экипажа под командованием Стивена Андруза были знакомы еще и с этой, самой первой историей его жизни. По этой причине никто из них не удивлялся, когда Майк вежливо, но настойчиво избав-

лялся от помощи очередного добровольца, готового жертвовать своим свободным временем ради того, чтобы помочь Майку с ремонтом очередной поломки.

– Кому ты мешать собрался? Да я родился в окружении микросхем!.. – говорил в таких случаях Майк, и непрощенный доброволец сразу понимал, что в радиусе десяти ярдов от Майка ему точно делать нечего.

Но до тех пор, пока на астроботе все работало, как часы, Майк пребывал в блаженном состоянии повышенной расслабленности, которое, если верить прекрасной половине экипажа, по сути являлась не чем иным, как самым заурядным сном.

Рабочее кресло техника помещалось в первом ряду кресел, рядом с рабочими станциями, за которыми сидели командир и штурман-навигатор. Кресло Эбби помещалось во втором ряду, сразу за креслом Карли Мейси. По этой причине ничто не мешало женщинам шушукаться, не привлекая к себе ничего внимания.

Одним из обычных развлечений подруг было обсуждение вопроса: в каком из двух своих обычных рабочих режимов находится Майк в эту самую минуту: он уже заснул, или еще только готовится это сделать?

– А я знаю, кем он был в предыдущей жизни, – шептала Эбби на ушко смешливой Карли.

– Ты не можешь этого знать, – шепотом отвечала та и делала большие глаза, указывая на спину командира. Всем членам экипажа казалось, что Стивен Андруз обладал способностью не только видеть сквозь стены, но еще и слышать не слышимое никому с такой же легкостью.

– Могу, – не сдавалась Эбби. – Обрати внимание: он, как компьютер, которым давно не пользовались, автоматически переходит в режим ожидания. На его языке это означает: я еще не храплю, но уже зеваю! Это энергосберегающий режим, отличающийся замедлением всех видов активности. И знаешь, почему я об этом вспомнила?

– Нет.

– Пока я училась в школе, я подрабатывала в местном зоопарке. Там была представлена живность со всех концов Вселенной, но акцент был сделан на животный мир Земли. Ты даже представить себе не можешь, за кем только мне не пришлось там ухаживать!

– Как интересно! – восхитилась Карли. – А при чем здесь Майк? Вернее, его предыдущая жизнь?

– А при том, что я могу сказать тебе совершенно точно, как специалист: в своей предыдущей жизни Майк был ленивцем. Обыкновенным ленивцем! Обрати внимание на его подчеркнутое дружелюбие. Тебе это о чем-нибудь говорит? В земной природе нет существ более покладистых, чем ленивцы. Что же касается их привязанности к ближним своим, то она вошла в поговорку. Не приходится удивляться, что Майк искренне привязан к каждому из нас. Даже ко мне, представляешь? А теперь признайся: ты когда-нибудь ловила себя на желании покорить его с ладони?

– Чем?

– Крошками со стола.

– Ты просто ясновидящая!.. И в самом деле хотела, причем почему-то именно крошками!..

– И вот, пожалуйста, чтобы не идти далеко за примером, обрати внимание на то, как он лениво поводит глазами в разные стороны.

– И что?

– Это значит, что он ищет дерево, к которому можно было бы прислониться. Еще немного – и он уснет на плече у нашего командира.

Карли покатила со смеху.

Командир услышал, но даже не обернулся. Вместо этого он еле заметно повел плечом – и Карли, как по команде, вновь стала самой собой: серьезной, ответственной, какой и полагается быть штурману-навигатору. Эбби тоже приумолкла.

Тем временем оживление за столом, вызванное очередным розыгрышем Бедного Йорика, совсем угасло. Только в глазах Эбби, не желавшей расстаться с мечтой о празднике, все еще вспыхивали оживленные искорки. Впрочем, и от них вскоре не осталось следа.

– На Земле я угощу вас кое-чем получше, чем этот чай, – говорил Бен, отливая немного своего знаменитого напитка из своей чашки в бокал, протянутый Эбби.

– Даже не сомневайтесь: про это обещание я не забуду! – Эбби перешла на интригующий полусшепот. – Бен, в знак нашей дружбы откройте мне – мне одной – самую страшную из ваших тайн! Скажите: что еще вы кладете в чай, кроме орешка?

Бену ничего другого не оставалось, кроме как в очередной раз перейти на сценический речитатив.

– О-о-о! – воскликнул он. – Одна только смерть услышит шепот вот этих губ! – И он указал на свой рот, растянутый улыбкой едва ли не до ушей.

– Иногда вы бываете просто невыносимы! – с деланным раздражением отозвалась Эбби и, сделав вид, будто в самом деле обиделась, отвернулась.

По счастью, дулась она недолго. Прошло всего лишь несколько мгновений – и в ее глазах вновь зажглись острые, как восклицательные знаки, огоньки. Дело в том, что ничуть не меньше, чем рецепт волшебного чая, Эбби интересовала еще одна тайна. Для нее полет в составе экипажа Стивена Андруза был самым первым в профессиональной карьере, и по этой причине ее интересовало буквально все связанное с бытом и традициями бывалых астронавтов. Ей показалось, что сейчас самое время попытаться удачи и узнать о том, что занимало ее мысли уже давно.

– А у меня вопрос на засыпку для всех! – Она внушительно посмотрела на командира и повторила: – Да-да, для всех. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь посвятил меня в местный астрофольклор.

Никто ей не ответил. Но Эбби была готова к такому повороту событий. Подобное случилось уже не раз. На этот раз она решила настоять на своем.

– Уважаемые коллеги, – продолжала она, – позвольте напомнить вам, что большая часть полета уже позади. Мы возвращаемся домой! Неужели кому-то из вас по-прежнему кажется, что я все еще не готова к посвящению?

– К посвящению? – оборвал фразу Бен. – И какого посвящения жаждет самая юная из наших коллег?

– Ну, скажем, в звание астространника, или как там еще называют себя бывалые астронавты? Нет, в самом деле, как все-таки те, для кого этот полет не первый, предпочитают себя величать? Астроковбоями? Астропрофи? Астроходами?

– Махнем не глядя? – предложила ей вдруг Карли. – Я готова променять свою многоопытность на твою неосведомленность. И это еще не все. Кроме того, я готова повысить ставку и обменять свою зрелость на твою молодость! Махнем?..

Она заразительно рассмеялась.

– Дорогая Карли, – поджав губы, ответила Эбби. – Давай вернемся к этому разговору, когда у меня будет плохое настроение, ладно? В такие минуты мне, честное слово, ничего не жаль. И своей молодости тоже.

И она обернулась к остальным участникам кухонных посиделок.

– Ну хорошо, если на астроботе до сих пор нет традиции посвящения астронавта-новичка в бывалого астрохода, может быть, кто-нибудь может мне рассказать о том, какие обряды гарантируют экипажу благополучное возвращение?

– Впервые об этом слышу! – воскликнул Майк и обернулся за поддержкой к своим коллегам. Им оставалось лишь развести руками. Никто из членов экипажа ни о чем подобном в самом деле не слышал.

Эбби такой оборот, судя по всему, ничуть не смутил.

– Если такой традиции пока что нет, почему бы нам ее не придумать? – не сдавалась она. – К примеру, как вы посмотрите на такую идею? Покидая астробот, все члены экипажа оставляют коллекцию поцелуев на обшивке корабля. И под каждым поцелуем подписано имя того, кому этот поцелуй принадлежит. Сколько полетов выполнил астронавт – столько поцелуев оставлено вокруг его имени. Думаю, набор разноцветной губной помады из тех, что мы храним в ящике с гримом для Хэллоуина, будет в этом случае весьма кстати. Очень живописная получится традиция, правда?

– И небезопасная, я бы сказал, – ответил за всех Бен.

– И что же в ней опасного? – возразила Эбби.

– Не дай бог начальство увидит – решит, что мы совсем свихнулись! Скажет: таких никуда пускать нельзя, потому что они точно такие же секс-символы и в космосе оставят, а потом перед инопланетянами сраму не оберешься!..

Эбби вспыхнула и промолчала.

– Если уж на то пошло, у меня есть идея не хуже, – примирительно заметил Бен. – Давайте прямо сейчас, в честь несостоявшегося юбилея, обрызгаем иллюминаторы нашего корабля водой! Той самой, которую мы с вами пьем. Это ведь вода с Земли, и уже по этой причине здесь, в открытом космосе, она вполне сойдет за святую! Предлагаю основать эту традицию прямо сейчас. Давайте не поленимся и в угоду юной почитательнице звездного фольклора сбрызнем святой водой все, что видим вокруг, начиная... с самих себя! И сразу после этого, еще мокрые, выйдем в открытый космос, чтобы проделать то же самое еще и снаружи! Ну как?..

– Я готова сделать это хоть сейчас! – не сдавалась Эбби. – Я не шучу! Я готова для этого даже сыграть роль межзвездного Водолея и вылить из ведерка в открытый космос пузырь со святой водой!

– Я, пожалуй, тоже не откажусь составить вам компанию, – с улыбкой отозвалась Карли, – но при условии, что мистер Моллиган вынесет меня в открытый космос на руках.

– Согласен! – воскликнул Бен. – Оказаться в открытом космосе с двумя дамами сразу – это же мечта любого мужчины!..

Все рассмеялись. Тем не менее Эбби сдаваться не собиралась.

– Ну вот! Снова все заканчивается смехом! Я понимаю, что никому на исходе экспедиции не хочется лишний раз напрягаться. Даже для того, чтобы позабавиться. Раз так – давайте переведем разговор в русло одного только прикладного смысла. Может быть, тогда мне удастся узнать у вас хоть что-нибудь интересное. Вот, к примеру, скажите: кто-нибудь из вас знает, с помощью какого волшебства можно сделать наше возвращение безопасным? Уверена: эта тема не может не волновать каждого из нас. Желаящие поделиться личным опытом есть?

Голос Куинси звучал неподдельно искренне. Для нее, новичка, каждый этап межзвездной экспедиции был значим и имел особое значение.

Хранивший до сих пор молчание командир астробота Стивен Андруз легонько постучал ногтем по столу, ненавязчиво привлекая к себе внимание. Он обвел взглядом всех сидевших за столиком на крохотной кухне, которую часто называл камбузом. И не случайно. Стивен Андруз провел молодость в отряде астровикингов. Об этом особом отряде ходило множество слухов. Чаще всего их передавали из уст в уста восхищенным шепотом. Астровикинги обеспечивали безопасность космической экспансии землян на планетах, пригодных для мореходства.

По этой причине, из уважения к прошлому командира, члены экипажа космического судна нередко называли его капитаном. По той же причине они называли отсеки космического корабля в соответствии с аналогичными помещениями его морского тезки. Никто не имел ничего против нотки романтической экзотики на фоне скуки космических буден.

Полированный пластик стола под рукой капитана отозвался глуховатым эхом.

– Кто-нибудь хочет ответить на вопрос, заданный Эбби? – спросил капитан.

Он подождал несколько мгновений и, убедившись в том, что желающих вступить в разговор нет, улыбнулся и продолжил:

– Начну издалека. Астронавты – те же золотоискатели. Уж я не знаю почему, но все считают, что единственная проблема для потенциальных членов клуба миллионеров – найти как можно больше золотых крупинок или, еще лучше – самородок, весом потяжелей. На самом деле эта часть работы самая легкая. Подлинная проблема кроется в доставке намытого золота до прилавка оценщика.

Он не спеша помешал в кофейной чашечке пластиковой ложечкой и продолжил:

– Вот почему пристальное внимание каждого капитана астробота традиционно привлекает к себе последний этап космической экспедиции, а именно – возвращение. Оно и понятно: многолетняя статистика ЧП говорит сама за себя: львиная доля неприятностей поджидает экипаж не на пути к цели, а, как это ни кажется странным, на обратном пути, когда, казалось бы, самое трудное уже позади. И мне бы очень не хотелось, чтобы наша экспедиция пополнила эту печальную статистику.

Стивен Андруз выдержал краткую паузу, прежде чем продолжить:

– А теперь, наверное, самое время поговорить о верных способах обуздать удачу. И первый из них, который приходит мне на ум, – противиться преждевременному отпускному настроению. Говорю об этом потому, что у некоторых членов экипажа, – капитан с добродушной улыбкой перевел взгляд с одной женщины, сидевшей за столом напротив, на другую, – оно, судя по всему, уже дает о себе знать. Применительно к нашему полету это проявляется в том, что члены экипажа посвящают все свое свободное время изучению туристических маршрутов и меню на курортах, что числятся самыми популярными на окраинах Вселенной.

Он отпил кофе из чашки и продолжил:

– Если мне память не изменяет, в карточной игре есть такое выражение, которое довольно точно описывает это совершенно особенное состояние души. На языке катал, если я ничего не путаю, оно называется «три туза в прикупе». Другими словами, это выражение означает то же самое, что и «оседлать удачу». И тут самое время напомнить о том, что опытные астронавты, как огня, боятся невероятной удачи – мечте каждого карточного игрока.

– Почему? – спросила Эбби.

– Да потому, что в космосе все сложнее, чем в состязании за карточным столом. Здесь властвует совсем другая магия, и именно по этой причине «счастливые» тузы как-то сами собой превращаются в шестерки, которые не сулят ничего, кроме неудач.

Он вновь обвел всех членов экипажа взглядом, как бы призывая их к вниманию.

– Возможно, Эбби кажется, что у нее одной есть вопросик на засыпку, но это не так. Вот и у меня один такой вопрос тоже есть. Скажите: кому-нибудь из вас удалось ознакомиться с книгой «Парадоксы космоса»?

– Той самой, которую написал Лен Гроссман? – спросил Бен.

Остальные сидевшие за столом лишь переглядывались между собой. На их лицах было написано смущение. Оно объяснялось не только тем, что никто, кроме Бена, даже не слышал об этой книге. Всем показалось, что командир, вопреки неписаным правилам кухонных посиделок, неожиданно переменял тему разговора. Но довольно скоро все поняли, что это не так.

– Да, вы не ошиблись, – ответил капитан. – Так вам удалось прочесть эту книгу?

– Правильней будет сказать, что я сделал такую попытку, – негромко пояснил Моллиган. – Увы, безрезультатно. Я получил отказ без каких бы то ни было объяснений.

– Ничего удивительного. Ирония судьбы заключается в том, что когда я сидел за партой в Школе астронавтов, эта книга была включена в число текстов, обязательных для ознакомления. В это трудно поверить, памятуя о теперешней ее недоступности! Сейчас текст книги изъят из свободного пользования, ее копирование запрещено. Чтобы ознакомиться с цифровой публикацией книги, нужно сначала отправить заявку в Главную Комиссию ЦУПа. Но при

этом никто не гарантирует, что ответ будет положительный. Судя по опросу моих знакомых, в девяносто девяти случаях из ста в ознакомлении с книгой будет отказано.

– А что тому причиной? – спросила Эбби.

– Перемены, произошедшие за два-три десятилетия во взглядах на нашу космическую экспансию. Изменился сам подход к базовым понятиям освоения космоса начиная с оценки противостояния пары вечных друзей и врагов – человека и космоса. В цензурном сопровождении к тексту книги приводится объяснение ограниченности доступа к ней. Если мне не изменяет память, объяснение это такое: ввиду излишнего субъективизма и недостаточного оптимизма автора в изложении темы.

Мне повезло – если, конечно, можно считать везением сомнительное удовольствие от знакомства с печальной статистикой, на основании которой автор строит свои максимы. Парадокс, ради которого я и затеял этот разговор, звучит примерно так: интенсивность панспермии обратно пропорциональна доступности освоения Вселенной. И мы все помним, что панспермия – это не что иное, как своеобразная страсть, с которой Вселенная снимает ограничения, накладываемые на рост количества населенных планет, да?

– Вас не затруднит повторить сказанное? – с легким вздохом спросила Карли. Трудяга по природе, она не отличалась способностью схватывать на лету. Стивену Андрузу это было известно.

– Разумеется, – охотно отозвался он. – Но, наверное, правильной будет для начала объяснить сказанное по-другому. Несколько упрощая, можно допустить, что Вселенной изначально присуще стремление к пробуждению разумной активности на космических телах, из которых она состоит. Предположить это не так уж трудно, тем более что никто толком не знает, что лежит в основе явления, называемого панспермией. С моей точки зрения, это, вообще, мистика чистой воды. Однако можно предположить, что, невзирая на неизвестные нам причины этого явления, оно тем не менее имеет место. Предположить такое будет вполне уместно еще и потому, что ученые находят все больше тому подтверждений.

Так вот, если верить автору парадокса, страстность, с которой Вселенная стремится к увеличению числа населенных планет, как ни странно, не имеет ничего общего с готовностью космоса стать более доступным для освоения. На самом деле, к сожалению, все обстоит с точностью до наоборот. Отсюда совсем нетрудно заключить, что чем больше усилий человечество будет прилагать для расширения сферы своего влияния в космосе, тем активней Вселенная будет сопротивляться этой экспансии. Хочется верить, что на этот раз мне удалось объясниться несколько лучше. Это так, или я слишком высокого мнения о своем лекторском таланте?

– Не сомневаюсь, что у моих коллег с пониманием парадокса дела обстоят значительно лучше. Что же касается меня, то я бы сказала так: забрезжил свет в конце тоннеля, – отозвалась Карли.

– Уже хорошо. И раз так, давайте попробуем закрепить успех. Вам поможет в этом пример попроще. Итак, никто не против того, чтобы на каждом дереве гнезд было как можно больше. Но когда приходит время оперившимся птенцам покинуть родительское гнездо, садовник, который посадил деревья, делает все, чтобы... не дать птенцам улететь далеко от своих гнезд.

– Теперь мне все ясно, хотя знаете, как-то очень уж не по себе от такой теории...

– Звучит довольно грустно, правда? Увы, к сожалению, это еще не все. Среди прочих следствий этого в самом деле печального парадокса есть и такое: в качестве жертв в ходе сдерживания экспансии космос всегда выбирает лучших. Это значит, что тот, кого Вселенная пометит крестиком на лбу, – он чуть заметно улыбнулся, – в посмертии, безусловно, сможет утешиться тем, что он был не последним среди людей. Другого утешения, к сожалению, у него не будет.

Капитан посмотрел на лица слушателей и без слов понял, что нужно как можно скорее сгладить впечатление от не самой оптимистичной из своих прочитанных на кухне лекций. Для начала он улыбнулся самой широкой из всех своих улыбок и вновь обвел внимательным взглядом лица подчиненных. Он хотел понять, удастся ли ему найти хоть сколько-нибудь энтузиазма в ответ на свою улыбку. Результат его вновь не впечатлил.

Как бы то ни было, улыбки получше в запасе у него не было, и он перевел взгляд на часы. Экипажу пора было приниматься за обычную рутину. Оставлять слушателей в настроении, которое не вполне соответствует масштабу и трудностям стоящих перед ними задач, капитану по понятным причинам не хотелось. И он сделал еще одну попытку все исправить.

– Не знаю, насколько мне удалось удовлетворить ваше любопытство, Эбби. Как бы то ни было, в качестве компенсации за ответ – скажем так – не по существу я готов поделиться с вами моим личным рецептом защиты от любых неприятностей. Хотите?

– От любых?

– От любых. И в космосе, и на Земле.

– Конечно хочу!..

– Речь пойдет о веками проверенном средстве. Оно называется молитва. Надеюсь, слово такое вам знакомо?

– Не-е-ет.

– Понятно. Честно говоря, молитва тоже не всегда помогает. Но средства лучше, насколько мне известно, в природе нет. Памятуя об этом, я бы не возражал против того, чтобы мы, все вместе, именно с нее, с молитвы, начинали каждое утро. Между прочим, мы могли бы начать следовать этой практике уже сегодня, и даже прямо сейчас, если, конечно, никто не против. Прошу всех желающих присоединиться ко мне. Пусть каждый из нас обратится про себя к космосу, что начинается прямо за стенами нашего астробота, и попросит у него помощи и защиты на нашем пути домой...

Неожиданно для всех Эбби заволновалась.

– А я не умею молиться! Никто меня этому не учил! Кто-нибудь, объясните, что для этого нужно?

Серьезный взгляд командира прогнал улыбки с лиц остальных членов экипажа.

– Это совсем не трудно. Достаточно прикрыть глаза и простыми словами попросить у всех, кто вас слышит в эту минуту, защиты и помощи. Только и всего.

Геолог и картограф по совместительству кивнула, прикрыла на мгновение глаза, затем тут же раскрыла их вновь, внимательно посмотрела на сосредоточенные лица коллег и лишь тогда, решившись, плотно смежила веки.

«Ты – космос, который все может, – произнесла про себя Эбби. – Сделай так, чтобы я снова увидела маму, и Эйми, и до смерти рыжего Вилли. У него лапа, скорее всего, еще не зажила; Эйми, разумеется, забывает промывать ее регулярно бактерицидным раствором, а маме, как всегда, некогда...»

Она произнесла эту нехитрую молитву раз, приоткрыла глаза и по сосредоточенным лицам своих коллег поняла, что они все еще молятся. Тогда она снова закрыла глаза и повторила вновь простую свою молитву.

Открыв глаза, она встретила взглядом с одобрительно смотревшим на нее капитаном. На мгновение Эбби показалось, что лицо Стивена Андруза несколько изменилось. Оно словно вобрало в себя невидимый свет и теперь медленно возвращало его тем, кто в нем нуждался.

Она вспомнила, что нечто похожее бывает, когда смотришь на грани бассейна, о которые тихо бьются легкие волны. По стенам бассейна скользит перелив мягко изогнутых, светлых линий. И чем дальше смотришь на него, тем больше кажется, что на самом деле это не случайный рисунок, созданный природой одной лишь прихоти ради, а некое не совсем обычное послание. И смысл его предельно прост: все, что нужно для счастья, – это способность принять

в себя, раствориться, уподобиться, перестать отделять себя от фона, потому что никто в этом мире не знает, что на самом деле важно: то, что находится на переднем плане, или один только фон.

В свою очередь, капитану пришло на ум нечто другое. Совсем другое. Глядя на юное лицо смотревшей на него женщины, он, неожиданно для самого себя, вспомнил то, что, как ему привычно казалось, позабылось, утратилось, стерлось из памяти, сделавшись всего лишь прошлым.

У прошлого было много имен. Без некоторых из них вполне можно было бы обойтись, не боясь расстаться с чем-то для себя действительно важным. Но одно из имен своего прошлого капитан, даже если бы очень захотел, не смог бы позабыть или обменять ни на какое другое. Его прошлое было невысказано без моря.

Мальчик рос босяком в портовом городе, на грани между тем, что еще принадлежит берегу, и тем, что уже стало морем. Всякий раз, когда он смотрел вниз с высокого утеса, прежде чем спрыгнуть в пропасть, на дне которой плескалось пенистое месиво волн, он неизменно замечал, что стоит взгляду коснуться линии между небом и морем – и в груди разливается тепло принадлежности к этому вечно беспокойному и текучему монстру. Там, ниже линии неба, где матово блестело серебро воды, помещалась сама безмерность.

На берегу почему-то всегда было тесно. Мальчик понимал это с особой отчетливостью, когда его окружали такие же, как он, босоногие любители моря из соседнего жилого комплекса. Говорить с ними доводилось мало и лишь постольку, постольку надо было дать понять: он готов кулаками доказать, что у него есть право на воздух, которого не хватает после предыдущего (он уже и не помнил, какого по счету) удара и не набрав которого в легкие, было трудно ударить так, чтобы мало не показалось. Доказать, что у него есть право вот на этот песок под ногами, с которого, если не повезет, надо было поскорее подняться, потому что иначе затопчут, избыют кулаками в кровь.

Как и технарю Майку, Стивену Андрузу не пришлось выбирать профессию. Она нашла его сама быстро и легко. Произошло это словно само собой.

Сразу по окончании школы он получил приглашение для собеседования в местный Центр профориентации. Туда он принес с собой все, что требовалось: диплом о присвоении седьмого дана по дзен-дзюцу, разрешение на боевое применение бластера и характеристику из школы. В Центре ему пришлось, упершись взглядом в экран монитора, битый час набирать на клавиатуре бесчисленные ответы на бесчисленные вопросы, глупее которых, как ему показалось, и не бывает. Потом долго осматривать непонятные схемы и диаграммы на стенах кабинета профориентации, пока сидящий напротив него психолог скользил взглядом по результатам тестирования. Он лишь изредка бросал короткие взгляды на Стивена, отрываясь от экрана монитора, и по этим взглядам нельзя было понять ровным счетом ничего. Так продолжалось довольно долго.

Наконец психолог, что сидел напротив, вписал в графу «Рекомендовать» непонятную аббревиатуру ССН, протянул подростку холеную руку и произнес всего лишь два слова:

– Поздравляю. Удачи.

О том, что означают странные буквы ССН, Стивен узнал в кабинке с точно такой же надписью на двери.

На человеке за дверью была почему-то надета спецкуртка, хотя в комнатке было не холодно. В прорехе куртки виднелись рубашка камуфляжной расцветки и несколько рядов орденских планок. Человек неосознанно, привычным жестом провел кончиком пальца по шраму на лице и охрипшим голосом произнес:

– Почему ты хочешь стать смертником, сынок?

Андруз промолчал в ответ.

– Да ты присядь. – Человек со шрамом указал на стул.

- А что такое ССН? – спросил Стивен, прежде чем сесть.
- Силы Специального Назначения.
- И что это значит?
- Да присядь же ты, наконец!..

Андруз послушно присел на краешек стула. Он вовсе не был уверен в том, что постучал в ту дверь, за которой в самом деле начинается светлое будущее.

– Что такое ССН? Эта значит, что твоя мать никогда не узнает, в какой части Вселенной ты сложишь свою голову. Эта значит, что ты всегда и везде будешь на шаг впереди так называемых первопроходцев. При этом их имена навсегда будут вписаны в книгу покорителей космоса, а о тебе никогда никто не услышит. И не узнает. Вернее, узнают, но только тогда, когда до тебя уже никому не будет дела, и это случится не раньше, чем с твоих документов будет снят гриф секретности. Только тогда все желающие – поверь мне, их будет немного – смогут ознакомиться со списком твоих наград, включая самую последнюю из них по счету.

- А что это за награда?
- Наверняка о ней я могу сказать только одно: ты ее получишь посмертно.

Подросток помолчал. Он набирался решимости, чтобы задать вопрос. И наконец набрался.

- А если я откажусь?
- Дорогой мой, на свете есть тысячи других, куда более безопасных способов себя прокормить. Например, разводить аквариумных рыбок. Или поливать цветы. Или, например, доить коров. Тебе это нравится больше? Если да, только скажи – и я укажу тебе аббревиатуру одной из кабинок по соседству.

В эту минуту Стивен впервые понял, что при всем обилии возможностей чем больше умеешь, тем, как ни странно, меньше свободы для выбора.

Как и обещал человек с планками на груди, его записали в смертники, в отряд звездных варягов или, сокращенно, астровикингов. Средняя продолжительность жизни этих сорвиголов была до смешного малой даже на фоне остальных подразделений Сил Специального Назначения. И знали об астровикингах, в точном соответствии с рассказом человека со шрамом, очень и очень немногие. Причиной тому была специфика грязного труда этих отважных ребят. Даже командиры называли их за глаза УП, что в расшифровке означало «уже покойники».

Тем не менее только им, астровикингам, удалось навести порядок на бескрайних просторах океана, что на Эпсилон Глизе. До тех пор обитатели солнечной системы Хвост Дракона, в которой вращалась планета, не желали быть хоть сколько-нибудь покладистыми с землянами. Вялая недоброжелательность нередко сменялась неприкрытой агрессией. Вот тогда выяснять отношения с не слишком гостеприимными аборигенами и отправляли астровикингов.

Никто не знает, сколько их утонуло и костями полегло в неистовых морских сражениях на чужой планете. Ко времени, когда дипломатические отношения между вчерашними врагами были наконец налажены, во всех без исключения отделениях этого подразделения оставалось не больше чем по две-три живые души.

Стивену Андрузу повезло. Когда между землянами и эпсиглизами был наконец заключен Договор о мире, он смог вернуться на Землю, как шутили в таких случаях звездные варяги, не оставив врагу ничего лишнего: ни руки, ни ноги, ни зуба своего.

Первым делом по возвращении он отправился в отпуск, о котором ему приходилось только мечтать, делая грязную работу на морских черно-синих просторах, под звездой, что слабее Солнца в тысячи тысяч раз.

В заветное море он вошел сначала глазами, как только впереди замаячил пляж. Он столько мечтал об этой встрече!

Сбросить с себя шорты и майку было делом одной минуты. И вот уже сцена, которая столько раз рисовалась его воображению на Эпсилон Глизе: теплые волны лижут замшелые подошвы его ступней.

Он входил в море так, как входят в ворота рая, – медленно, не спеша, от души наслаждаясь вечными радостями земной жизни: солнцем, водой и едва ли не начисто позабытым на Глизе чувством безопасности. Он знал, что ему придется снова привыкать к тому, что включает в себя так называемая мирная жизнь. Думать об этом было приятно. Он еще не подозревал о сюрпризе, приготовленном для него судьбой.

Он успел войти в воду по пояс, когда счастье, что еще мгновение назад, казалось, наконец-то, поселилось рядом, нарушил звонок. Звонили по виртуальной связи из ЦУПа. Утомленный, не терпящий возражений голос сухо спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.